

Лаптёнок Ирина Брониславовна

кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора по учебной работе
Института повышения квалификации
и переподготовки кадров
Белорусский государственный университет
культуры и искусств
г. Минск, Беларусь

Laptsionak Iryna Branislavauna

PhD in Philology, Associate Professor,
Deputy Director for Academic Affairs
of the Institute for Advanced Training
and Retraining
Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk, Belarus
laptenokirina@tut.by

ОСОБЕННОСТИ ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПОЛНЕНИЯ
И ЖАНРОВОЙ ФОРМЫ ФРОНТОВЫХ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
ПОЭТА-ПЕРЕВОДЧИКА ЯЗЕПА СЕМЕЖОНА

FEATURES OF THE IDEOLOGICAL AND THEMATIC CONTENT
AND GENRE FORM OF THE FRONT-LINE DIARY ENTRIES
OF THE POET-TRANSLATOR YAZEP SEMEZHON

Статья посвящена исследованию малоизвестных дневниковых записей Язепа Семежона, которые велись им в период Великой Отечественной войны. Рассматриваются жанровые признаки, структура повествования, образно-тематические особенности дневниковых записей. Определено, что в них нашли воплощение наиболее яркие, эмоционально значимые события фронтовой жизни поэта-переводчика, его размышления и переживания, отраженные в синкретичной жанровой форме.

Ключевые слова: *творческая индивидуальность писателя; фронтовой дневник; жанровая природа дневника; особенности повествования; образ-концепт.*

The article is devoted to the study of the little-known diary entries of Yazep Semezhon, which were kept by him during the Great Patriotic War. It examines genre features, narrative structure, figurative and thematic features of diary entries. It is determined that they embody the most vivid, emotionally significant events of the poet-translator's front-line life, his thoughts and experiences reflected in a syncretic genre form.

Key words: *creative individuality of the writer; front-line diary; the genre of the diary; features of the narrative; image-concept.*

Влиятельным фактором формирования идеалов и ценностей общества является жизненная и творческая судьба писателей-участников войны, их личный пример. Раскрытие психологии человека на войне, «правды войны» в художественных произведениях белорусских авторов в значительной степени было связано с их фронтовым опытом. Особенным своеобразием отличалось выражение писательской позиции в форме дневника, интерес к которой усилился на протяжении последнего десятилетия как в отношении изучения опубликованных ранее материалов, так и в связи с открытием рукописей, находящихся в архивах.

Фронтовой дневник представляет собой уникальное явление. С одной стороны, дневниковая форма, с учетом ее документального характера,

позволяла фиксировать подробности военной жизни, с другой стороны, отражала личностную позицию участников описываемых событий, их переживания и размышления.

Анализу особенностей фронтовых дневников писателей посвящены исследования, проведенные на постсоветском пространстве, Е. И. Колесниковой, В. В. Колобова, А. В. Лашкевича, А. С. Рейнгольда, А. С. Столетовой, И. Г. Тажидиновой, Л. Ц. Халхаровой и др.

В белорусском литературоведении наблюдается интерес к изучению авторской рефлексии, автобиографической основы, структурно-содержательных особенностей и экзистенциального компонента дневников, о чем свидетельствуют работы А. Ф. Березко, О. Н. Губской, А. Ю. Новик, В. М. Стрельцовой, Н. А. Сугако, Т. Н. Тарасовой и др. Среди наиболее известных мемуаров белорусских писателей, созданных в военное время, – дневники, записи в блокнотах и записных книжках А. А. Алешко, П. И. Волкодаева, В. С. Гарбука, Н. П. Лобана, И. П. Мележа, М. Танка и К. Черного.

Несмотря на появление значительного количества работ, посвященных исследованию дневников, до сих пор малоизученными остаются такие вопросы, как своеобразие их жанровой формы, особенности содержательно-тематического наполнения, значимость и статус фронтового дневника и его роль в развитии творческой индивидуальности писателя.

Насущным является изучение фронтовых дневников писателей и как источников личного происхождения, в которых находят отражение история повседневности, подробности фронтового быта, находящиеся обычно «за кадром», а также мировосприятие и мироощущение человека на войне, его поведение, эмоциональные реакции на события. Внимание к данным исследовательским ракурсам обусловлено интересом со стороны ученых «не только профильных направлений (журналистика, литературоведение), но и смежных дисциплин (история, философия, социология, теория и история мировой культуры, коммуникативистика, психология, культурология, языкознание, психолингвистика, логика, этика и др.)» [1, с. 7].

Осмысление значимости фронтового дневника и его статуса в определенной степени связано с превалированием соответствующей традиции в позициях исследователей: «В гуманитарно-научном сообществе сохраняется традиция отношения к дневнику как дополнительно-вспомогательному источнику <...>. В пост-классической парадигме утверждается иное отношение – как к незаменимому свойству опыта бытия и сознания, имеющему самостоятельное значение в качестве культурного артефакта и литературного феномена» [2, с. 13]. Значительная часть фронтовых дневников писателей была издана сравнительно недавно, в течение последних десятилетий, а некоторые до сих пор не опубликованы. Данный факт также можно трактовать как следствие отрицания на протяжении длительного периода самостоятельной ценности фронтового дневника: «В классической традиции литературного сознания жанр дневниковой записи (как и переписка,

и мемуары) легитимизировались только в случае их принадлежности перу выдающихся писателей. Тогда они издавались в комплекте полного собрания сочинений с текстологическими комментариями, но зачастую без всесторонней культурно-исторической интерпретации. Записки известных общественных деятелей выходили под грифом исторических исследований академического плана в том же текстологическом антураже. Личный же дневник, особенно “простых” людей, не оказавших влияния на “большие”, метаисторические формы культуры, оставался как бы в “подполье” литературного процесса, в архивах и хранилищах, не находя доступа к широкой читательской аудитории» [2, с. 10].

Такая же участь постигла и дневниковые записи поэта-переводчика Язепа Семежона (Иосиф Игнатьевич Семежонов, 1914–1990). На протяжении многих десятилетий его письма с фронта и дневниковые записи хранились в семейном архиве и не были опубликованы. Вместе с тем служба Я. Семежона в рядах вооруженных сил в период Великой Отечественной войны и ведение им фронтового дневника оказали существенное влияние на дальнейшее становление его творческой индивидуальности.

Язеп Семежон был призван в ряды защитников в сентябре 1938 г., принимал участие в советско-финской войне. До марта 1942 г. служил курсантом офицерской школы в Москве, затем командиром взвода, в 1942–1945 гг. – военным переводчиком на 3-м Белорусском фронте, в разведывательном управлении штаба Белорусского военного округа. За годы войны прошел путь от младшего лейтенанта до подполковника. В описании его заслуг при награждении орденом Красной Звезды указано: «Товарищ Семежонов, владея английским, французским, немецким и итальянским языками, в течение всей Отечественной войны успешно работает над информацией командования фронтом по вопросам международной политической жизни, положения на фронтах Европы и Азии. В ходе работы тов. Семежонов дал много ценных разведанных по нумерации соединений немецкой армии и их дислокации» [3]. В послевоенное время переводчик продолжил службу в штабе Белорусского военного округа (до 1953 г.), был лично знаком с Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко.

В связи с особенностями службы в военной разведке большинство дневниковых записей (которые велись Я. Семежоном в тетрадях и блокнотах) было уничтожено. Сохранилась лишь небольшая их часть – те, что были направлены с фронта вместе с письмами его знакомой Н. Н. Бромлей, преподавателю английского языка Московского государственного университета. По понятным причинам в сохранившихся материалах отсутствует указание на то, чем занимался их автор по долгу службы. В письме от 30 ноября 1941 г. присутствует лишь намек на род его деятельности: *Я все эти дни нахожусь почти рядом с передовыми позициями, и хотя сам не хожу в атаки и не лежу за Максимом, как другие, но бои наблюдаю и, быть может, более тех, кто воюет, вижу иногда весь их ход...* [4].

Внутренним побудительным мотивом вести дневниковые записи стало стремление зафиксировать увиденное и испытанное во время войны, поделиться своими чувствами с близкими людьми: *Пишу дневник. Уже набралось две большие тетрадки. В нем много “сердца горестных замет”.* Не прислать ли Вам? Быть может погибну, вспомнили бы... А если бы, к великому счастью, после войны отыскали мою мать или сестру – рассказали бы о моей жизни за эти месяцы (запись от 2 марта 1942 г.) [4]. Внешним фактором, повлиявшим на написание заметок, являлось участие Я. Семежона в работе литературного кружка, куда входили советские писатели, участники Великой Отечественной войны, – некоторые из них также вели дневники.

Сохранившиеся фронтовые записи состоят из объединенных тематически текстов (фрагментов), относящихся к определенной дате, большинство из которых были сделаны в первые три года войны. В них нашли отражение такие признаки дневникового повествования, как хронологичность, датированность, наличие реальных жизненных фактов, собственных наблюдений автора.

Следует отметить широкое разнообразие тематической структуры дневниковых записей, включающей рассказы о текущих событиях, портретные, пейзажные и бытовые описания, воспоминания и размышления автора.

В результате анализа определено, что дневниковые записи Я. Семежона предполагают адресата и не направлены исключительно на автора, о чем свидетельствует их публицистическая ориентированность, которая выражена в воздействии на читателя, в экспрессивности, эмоциональности и стремлении донести свою позицию по значимым общественно-политическим вопросам. При этом выбранная форма не является открыто агитационной. В частности, приемы, используемые для убедительности в неизбежности отмщения врагу, автор черпал как в исторической фактологии, так и в культурно-бытовых реалиях, например, посредством ассоциативного сравнения военной операции по устранению врага со способом загонной охоты на волка с помощью привады (запись от 30 ноября 1941 г.), использования олицетворения – река-заступница топит чужаков-пришельцев (запись от 7 января 1942 г.). Отдельные отрывки по накалу эмоций напоминают публицистические заметки.

Значительное место в дневниковых записях уделено фактам, наиболее ярко воплотившим подробности фронтовых будней, которые были связаны с познанием автором военной жизни, его чувствами и ощущениями. История повседневности, представленная в дневнике, привлекает множеством интересных деталей, например, в описании условий фронтового быта: *Сейчас мы сидим в землянке у печки-костра. Это одновременно и печка и костер. Не могу Вам описать, как это сделано. Взята половина бочки из-под бензина. Нижняя ее часть вырезана и оставлен только каркас да дно,*

а верхняя – только сделано отверстие для трубы в верхнем дне. Получается что-то вроде камина, а сверху можно варить картошку, жарить сало, если таковое выдаст старшина... В углу – импровизированный стол из-под снарядных ящиков. На нем приемник, стопка книг. Это – рабочее место. Рядом – нары (запись от 10 ноября 1943 г.) [4].

Язеп Семежон описывает, о чем солдаты думали и мечтали в период между боями, как вспоминали родные места, своих близких, что их интересовало в конкретные моменты фронтовой жизни. Среди наиболее волнующих эпизодов, которые стали источником авторской рефлексии, – получение писем на передовой. Данный эпизод запечатлен в дневнике в качестве отдельной заметки. Художественная детализация, эмоциональность стиля превратили бытовое описание в повествование об особом ритуале фронтовой жизни, ставшем частью проявления единства и сплоченности советских солдат: *Есть в блиндажах и землянках незабываемые минуты, когда смолкает тихий говор, откладывается в сторону непришитая пуговица, остается нерасшнурованным ботинок. Письма пришли!.. Вскрываются бумажные треугольнички, на свет просматриваются наспех конверты и тут же вскрываются, жадно пробегаются родные, теплые строки – и вот уже письмо пошло вкруговую по неписанному, но незыблемому фронтовому обычаю. Его читают вместе, как едят из одного котелка, как поют вместе песни, как поднимаются вместе в атаку...* (запись от 10 ноября 1943 г.) [4].

По своему художественному потенциалу некоторые отрывки дневниковых записей близки к прозе о войне. Например, три страницы дневника в послевоенное время вошли как очерк «Монголы под Малоярославцем» в литературно-художественный и историко-публицистический сборник «Книга братства» (1971). Размещенные здесь записи относятся к началу 1942 г.: *22 февраля. К вечеру. Роща с.-зап. дер. К. (между Боровском и ст. Обнинская, Киевской ж. д.) Западный фронт [5, с. 340].* В них раскрываются несколько событий одной ночи, связанных с приходом поезда с гуманитарным грузом из Монголии. Происходящее описывается автором максимально подробно, с использованием приемов и средств художественной выразительности, передачей ощущений как на визуальном, так и аудиальном уровне: раскрыта атмосфера фронтовой ночи (перепалка зениток, окрики и команды регулировщиков, рев моторов на заносах, скрип полозьев саней, «звучание» ветвей заиндевелых берез, «резкий скрип» снега под ногами (как в ступицах колеса), описаны ход строительных работ по возведению склада для продовольствия (стук топоров, визг пил, удары лопат о мерзлый грунт, уханье), празднование «монгольского мясоеда» (ужин, встреча с представителями из Монголии).

С документальной точностью Я. Семежон свидетельствовал об ужасах войны (описание следов разрушений Ржева, битвы на западных подступах к Москве). Однако даже в таких условиях взгляд начинающего писателя не

мог не замечать красоту окружающей природы (дубовые рощи вдоль шоссе, *будто пересыпанные крупным сахаром-песком; белые кисейные волны в поле во время снежной бури*). Описания природы характеризуются панорамностью и детализацией: *На дворе вывездило. Белая луна катится сквозь пятнистые тучи и от яркого лунного света запорошенные пуховым снегом лесные поляны кажутся из подземелья продолжением низко нависшего клубистого и холодного неба...* (запись от 10 ноября 1943 г.) [4].

При всем тематическом и образно-сюжетном разнообразии дневниковых записей Я. Семезона установлено, что их стержневым мотивом-константой является образ-концепт «родина», который объединяет представления автора о родном крае, родных местах и родной земле: *Ничего на свете нет горше, как тоска по родине, даже по голубому небу над родимой землею. Впереди Вязьма. Она совсем близко – кажется вон там, за дымкой лесов в инее. А там – родная, израненная, оплаканная, но милая до слез – Белоруссия...* (запись от 28 января 1942 г.) [4]. Зов родного края был путевой звездой начинающего писателя на пути к победе: *Когда мы уходили из Смоленска, я видел своими глазами, как простые русские солдаты целовали памятник Глинки на Мелиховской площади. Я видел солдат-белорусов, которые носили в узелке, за пазухой горсть родимой земли. Нас зовет родная, плененная земля – и мы придем на этот клич...* (запись от 30 ноября 1941 г.) [4].

На значимость данного концепта указывает и параллельная разработка некоторых сюжетов в прозаической и поэтической формах, о чем свидетельствует сопоставление отдельных страниц. Так, в дневниковой записи от 2 марта 1942 г. рассказывается о впечатлениях автора от встречи, которая произошла в освобожденной от фашистов витебской деревне: *Родная моя Беларусь – рукой подать. Я уже побывал в первой белорусской деревне, вырванной из рук врага. Нас встречали, как сыновей родных. Не знаю, поймете ли это большое чувство – встречи с родными краями. В этом селе молодая женщина, узнав во мне земляка, подарила мне вышитое белорусское полотенце...* [4]. Аналогичный сюжет раскрывается в стихотворении «У першым беларускім сяле» (страничка из фронтового блокнота): *Як мы к сялу прайшлі цераз раку / І як насустач нам няслі гасцінна / Акрайчык хлеба ў белым ручніку / Ад гора пасівеўшыя жанчыны. / Яшчэ не скора скончым мы паход... / Ля нашых рэк як станем на спачынак, / Дастану той ручнік і вытру пот, – / Ручнік, што мне дала пад Віцебскам жанчына* [4].

В дневниковых записях встречаются и отрывки из других стихотворений, в которых воплощены тоска по родине, матери, всему, что было связано с мирной жизнью. Лексика стихотворений образная и эмоциональная, о чем свидетельствуют эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения. В составе дневниковых записей выявлены также отрывки из поэтических произведений известных писателей-фронтовиков (К. М. Симонова, А. А. Суркова и др.).

В послевоенное время дневниковые записи подтолкнули писателя к работе над художественными произведениями, посвященными теме Великой Отечественной войны. Он неоднократно обращался к ней как прозаик, публицист и переводчик. Я. Семежоном были написаны и опубликованы рассказ «Вуліца іх маленства», очерк «Вялікая крыўда малых рэк», переводы стихотворений «Атака» и «Кукла» К. М. Симонова, «Мальчиком ушел я на войну...» и «Сорок первый – наш год призывной...» А. Н. Чепурова, «Стоит березка фронтовая...» А. А. Прокофьева и др.

Таким образом, анализ фронтовых записей Я. Семежона показывает, что они имеют самостоятельную ценность как зафиксированные наблюдения писателя – участника войны. Вместе с тем их ведение представляло собой яркую творческую форму самоидентификации и идейно-художественных поисков, показало наличие у начинающего писателя определенных литературных задатков, а также явилось свидетельством того, что период Великой Отечественной войны стал своеобразным фундаментом, на котором в дальнейшем сформировался его многогранный литературный талант, воплощенный в различных видах литературно-творческой деятельности. Дневниковые записи отличаются разнообразной тематической структурой, содержат интересные подробности фронтовой жизни, наполнены искренними эмоциями и размышлениями. Это яркий пример дневника писателя синкретичной формы, сочетающий в себе признаки нескольких жанров (в него вошли фрагменты очерков, публицистических заметок и поэтических произведений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Колобов, В. В. Дневник писателя как документ эпохи (на материале дневника А. В. Жигулина) : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук : 10.01.10 / В. В. Колобов. – Воронеж, 2017. – 38 с.
2. Лашкевич, А. В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации / А. В. Лашкевич. – Ижевск : Изд-во Удмурт. ун-та, 2014. – 173 с.
3. Награда Иосифа Игнатьевича Семежонова // ЦАМО. – Ф. 33. Оп. 686196. Ед. хр. 4683.
4. Семежонов, И. И. Фронтовые записи : материалы переписки с Н. Н. Бромлей / И. И. Семежонов // Семейный архив Семежоновых (хранитель – Н. И. Семежонова).
5. Книга братства. – М.; Улан-Батор : Правда, 1971. – 575 с.

Поступила в редакцию 04.05.2022